

Феномен глобального управления в трактовке западных ученых

Денис Трухин

В течение последних десяти лет представление о проблематике глобального регулирования международных отношений претерпело значительные изменения. Основной причиной этого стал пересмотр структуры системы мировой политики в начале 90-х годов XX в. Общественные и политические потрясения той поры привели к оживлению дискуссий о необходимости глобального регулирования.

Постепенно сложилось в довольно общем виде следующее понимание регулирования: регулирование – это управление отдельными международными процессами с целью предотвращения их потенциальных отрицательных последствий для мирового сообщества. Тем не менее говорить о глобальном управлении как об общепринятом понятии в настоящее время оснований нет, частично по причине продолжения активного процесса изучения как практики регулирования, так и отдельных черт самого регулирования.

Следует признать, что отсутствие единого общепринятого научного определения какого-либо феномена международной жизни в теории международных отношений не является редкостью. Например, до сих пор в науке нет строгих формулировок, определяющих такие понятия, как «стабильность» или «глобализация»¹. Многие исследователи в настоящее время признают существование регулирования, однако они не согласны между собой по ряду связанных вопросов:

- кто, как и на каком уровне способен осуществлять международное регулирование;
- глобальное управление является следствием деятельности отдельных субъектов (акторов) международных отношений или же всей системы в целом;

ТРУХИН Денис Владимирович – аспирант факультета глобальных процессов, МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: dennis.trukhin@gmail.com

Ключевые слова: глобальное управление, глобальное регулирование, глобализация, мировое управление.

– какова действительная форма глобального регулирования в современном мире и к какому типу его можно отнести.

Global governance: регулирование или управление?

Исследователи, рассматривая сущность регулирования, заняли кардинально различные позиции. Одни из них не считают поиск подходящего феномену определения сколь-нибудь важной задачей; другие признают проблематику регулирования частью общих проблем «новой повестки дня мировой политики»; третьи, критикуя предыдущую позицию, предлагают авторам концепции регулирования выявить основные характеристики изучаемого явления и дать ему строгое определение.

Некоторые авторы считают невозможным найти своеобразную точку отсчета для подтверждения факта самого существования регулирования, объясняя ее сложностью применения дисциплинарного подхода: концепция регулирования несет в себе значительную долю философской проблематики, что дало основания критиковать ее как «неточную» и «надуманную»².

В зарубежной политологии понятие «мировое регулирование» обозначается с помощью термина *global governance*.

Как указывает Дж.Фридрихс, «очень сложно перевести слово *governance* на другие европейские языки, хотя данное понятие и появилось в Европе еще в XIV веке».

Европейские научные школы трактуют этот термин сообразно с собственным культурным и научным контекстом, понимая под глобальным управлением «поступательный процесс, посредством которого инте-

рессы субъектов могут быть суммированы и реализованы на основе согласованных действий в рамках формальных или неформальных институтов или режимов, созданных индивидами или государствами на добровольной основе в целях, отвечающих их интересам»³.

Культурологический контекст понятия *governance*, сформированного под влиянием англосаксонских традиций, для использования его в русском языке требует некоторых пояснений.

Точным переводом термина *governance* является «управление», при этом выражение *global governance* правильнее было бы трактовать как «глобальное управление». Однако в английском языке слово «управление» имеет значение скорее устройства или механизма, которое обеспечивает порядок, а в русском оно более соотносится с процессом, в рамках которого субъект управляет объектом. Для российской ментальности ключевым моментом управления является не само устройство системы управления, а распределение ролей: кто управляет и кто является управляемым.

«Мировое регулирование» в российском понимании – это регулирование международных процессов в широком смысле, существующее независимо от однородности мира в ценностном отношении. В этом смысле проблема мирорегулирования становится более фундаментальной академически и более нейтраль-

ной политически. Если западных исследователей волнуют вопросы, при помощи каких инструментов, правовых и этических норм сделать мир более либеральным и однородным, то отечественные исследователи задаются следующими вопросами: кем, как, в интересах каких субъектов и на каких условиях происходит регулирование международных процессов. Лишь только в последнее десятилетие стало возможным говорить о сближении подходов зарубежных и российских ученых.

Именно поэтому в российской научной литературе более распространенным и часто используемым является

термин «регулирование», а не «управление». Тем не менее недопустимо говорить о тождественности этих понятий. «Глобальное регулирование» связывается с уменьшением неуправляемости глобальных процессов, приданием некой упорядоченности процессам развития международных отношений как системы. В этом значении наиболее уместным представляется использование термина *regulation*, однако он будет требовать необходимых пояснений, поскольку в сознании зарубежных исследователей он, скорее всего, не будет ассоциирован с привычной для них тематикой исследований.

Основные подходы к интерпретации управления международными отношениями

С точки зрения прикладного анализа можно выявить два подхода к интерпретации международных отношений – реалистический и институциональный.

Интерпретации регулирования в **реалистической** (а затем и в неореалистической) традиции берут свое начало в классических трудах Р.Арона и К.Уолтца.

Регулирование рассматривалось как механизм, позволяющий управлять международным порядком, который в любой момент времени мог быть представлен как соотношение потенциалов основных акторов. Кроме того, регулирование трактовалось ими как «неинституционализованное материально-силовое воздействие», периодически направляемое в адрес тех или иных акторов посредством формальных и неформальных каналов.

Этот принцип материально-сило-

вого воздействия в реалистической школе понимается как механизм уравнивания потенциалов государств и может быть реализован, основываясь либо на равновесии сил, либо на гегемонии.

Идеология **институционального** подхода была сформирована в конце 80-х годов XX в. под определяющим влиянием теории режимов. Сторонники этого подхода (Р.Кохейн, М.Леви, Дж.Рагги, Э.Хаас, О.Янг) давали определение регулирования через призму режимов. Режимы трактовались как «набор правил и норм, регулирующих взаимодействие субъектов»⁴, а регулирование – как «институционализированный способ воздействия на поведение субъектов посредством созданных ими же режимов»⁴.

Для институционального подхода характерен акцент на инструментальный регулирование, в качестве кото-

рого выступают международные институты, а также интерес к вопросам становления универсального многостороннего глобального управления за счет уменьшения роли государственного регулирования на базе двусторонних отношений и сотрудничества узкого круга государств.

Дальнейшие попытки систематизировать теорию режимов привели к формированию **неолиберального институционализма** (неоинституционализма), для которого характерным является синтетический конструктивистский взгляд на проблематику глобального регулирования.

Неолиберальный институционализм трактует понятие «институт» как «набор правил, определяющих способы сосуществования государств в условиях сотрудничества или конкуренции»⁵.

Под регулированием же понимается «совокупность формальных и(или) неформальных инструментов и механизмов, организующих и координирующих социально-экономические отношения субъектов»⁵ на различных уровнях.

Позже в работе Дж.Айкенбери «После победы: институты, стратегическая сдержанность и перестройка порядка после больших войн» была предпринята попытка теоретически оформить неолиберальное видение проблемы институционализма. Айкенбери попытался объединить сильные стороны существовавших к тому времени методологических школ: реализма, неолиберализма, теории режимов.

По мнению Айкенбери, «создание институтов как механизмов политического контроля определяется двумя переменными: различиями в си-

ловом потенциале и типах правления»⁶.

Чем больше разница между потенциалами двух государств, тем сильнее становится стремление более сильного государства закрепить существующий порядок вещей посредством внедрения соответствующих институтов (с одной стороны), и тем активнее становится деятельность других государств по ограничению потенциала гегемона другим набором институтов (с другой стороны). Кроме того, Айкенбери также отмечал, что в случае демократического устройства стран, создающих данные институты, формирование этих институтов значительно облегчается. Демократическое устройство также способствует расширению и углублению сотрудничества между государствами и препятствует осуществлению альтернативных политических идей и утопий⁶.

Одним из принципиальных вопросов в концепции регулирования является вопрос о суверенитете, так как международные акторы, формирующие и в дальнейшем реализующие правила поведения на глобальном уровне, неизбежно заимствуют часть суверенитета у государственных акторов.

Как считает Дж.Розенау, в условиях необходимости создания таких правил принцип суверенитета перестает отвечать изменяющимся потребностям современности. В условиях увеличения числа и активности негосударственных акторов, стремящихся принимать участие в регулировании наравне с государственными акторами, «вертикальному» регулированию (выстроенному соответственно с иерархией матери-

ально-силовых потенциалов государств) приходит на смену «горизонтальное», осуществляющееся либо независимо от иерархии, либо вопреки ей⁷.

Как считает Дж.Фридрихс, глобальное регулирование может осуществляться только глобальным гражданским обществом. «Государство участвует в управлении; гражданское общество – в регулировании»³.

Регулирование является свойством социальной системы, служащее упорядочиванию взаимодействий в совокупности социальных, политических и экономических акторов, не имеющей собственной иерархии. Субъектом регулирования в таком случае выступает не столько отдельно взятое государство, сколько

система всех международных акторов или, согласно теории Х.Булла и Дж.Фридрихса, глобальное гражданское общество, действующее рамках норм и правил, заданных институтами гражданского общества.

На практике, однако, роль такого общества до 2000 г. играла неформальная полуинституционализованная «Группа восьми» (G8). События и войны 2000–2003 гг. внесли дополнительную дисгармонию в видение проблематики регулирования. Начался новый цикл обсуждений, связанный с кризисом «неолиберализма» и частичной «деинституционализацией» международных отношений. Исследование проблематики регулирования стало смещаться в область анализа идей «американской империи».

Идея «американской империи»

Идея «американской империи» зародилась в 40-х годах XX в. и во многом связана с интервенционализмом, присущим внешней политике США.

Как считает Ч.Купчан, во время президентского срока Ф.Д.Рузвельта республиканцы и демократы достигли консенсуса в отношении основополагающих принципов государственной внешнеполитической стратегии. В практическом плане выработанный подход стал основой того, что сегодня принято называть реалистическим и либеральным компонентами, составляющими внешнюю политику США.

Реалистический компонент имеет в своей основе механизмы сдерживания, устрашения потенциального противника и поддержания глобального баланса сил (эти механизмы известны как «доктрина Вулфовица»).

Либеральный компонент внешней политики делает акцент на сотрудничестве с международными негосударственными акторами, открытость в отношении глобальных рынков и «расширение демократии» посредством экспорта культурных и моральных ценностей, свойственных американскому обществу (этот компонент известен как «доктрина Лейка»)⁸.

В 2000 г., после прихода к власти в США республиканской администрации Дж. Буша-младшего, внешнеполитическая стратегия страны претерпела серьезные изменения, которые позволяют говорить о преобладании концепции «жесткой» гегемонии во внешней политике США.

Одним из шагов к практической реализации этой гегемонии можно считать военные действия США против Ирака (март 2003 г.), не подкрепленные мандатом ООН.

Основной идеей данной концепции является утверждение глобального лидерства США и создание такого международного порядка, при котором США могли бы оказаться единственным государством, имеющим возможности и обладающим потенциалом для регулирования системы международных отношений.

Многие исследователи скептически настроены по отношению к идее «американской империи». Большая часть американского населения, а также политиков, государственных служащих, научных сотрудников, аналитиков и журналистов никогда не считала США империалистическим государством и отрицала любые утверждения о том, что их государство стремится стать таковым. По мнению большинства американцев, их государство – это наиболее развитая форма демократии, которой чужды любые попытки и стремления превратиться в империю. В американской культурной матрице слово «империя» имеет отрицательную коннотацию, так как в период «холодной войны» империей было принято считать СССР. Официальный Вашингтон сохраняет аналогичную позицию, придерживаясь принципа политкорректности.

Точно такой же позиции придерживаются и исследователи-«интернационалисты».

По неоднократным заявлениям американского исследователя международных отношений, близкого к администрации президента, Лоуренса Саммерса, США – это «единственная в истории неимпериалистическая супердержава».

По мнению Дж.Най, применение термина «империя» в отношении современных США нельзя считать пол-

ностью оправданным. В настоящее время США владеют гораздо более значительными материальными и силовыми ресурсами по сравнению с Британской империей (по состоянию на период расцвета ее могущества), однако США не обладают столь же обширным влиянием, какое Британская империя оказывала в XIX в. едва ли не на четвертую часть мира.

Как считает Най, современный мир представляет собой трехуровневую шахматную доску:

- верхний уровень является однополярным и находится под управлением США;

- второй уровень доски многополярен: на нем Европейский союз и Япония составляют США конкуренцию в экономической сфере;

- на третьем уровне представлены транснациональные акторы мировой политики, и понятие полярности для него неприменимо.

Изучая возможности США в контексте каждого из уровней, Дж.Най высказывает критику в адрес американской администрации, что та пытается решить проблемы, свойственные третьему уровню, инструментами и методами первого уровня. Международный терроризм, оборот наркотиков, международная преступность – все эти глобальные проблемы, возникающие на третьем уровне, нельзя решить, пользуясь только лишь превосходством в военной силе. Против них следует использовать так называемую «мягкую» силу, координируя свои действия с другими международными акторами, как государственными, так и негосударственными.

Согласно Дж.Наю, «США устранили иракского тирана, но одновременно предоставили «Аль-

Каиде» возможность пополнения своих рядов за счет новых иракских рекрутов, недовольных американской операцией в Ираке»⁹.

Подобные идеи можно найти в работах политолога Бенджамина Барбера. По его мнению, в попытке оказать сопротивление терроризму США нарушают сложившийся международный нормативно-правовой порядок. Кроме того, глобализационные процессы не позволят Америке превратиться в империю в полном значении этого термина, поскольку мир слишком сложен, а его части настолько взаимосвязаны и взаимозависимы, что управление ими из одного центра не представляется возможным. Далее, силовые методы США в построении международного порядка могут привести к увеличению числа государств, враждебно настроенных как по отношению к

США, так и к самой идее централизованного управления, что в итоге вызовет в первую очередь разрушение «американской империи», а затем и американской республики как таковой.

В качестве альтернативы данному сценарию развития Б.Барбер называет создание «космополитического порядка универсального права». По мнению исследователя, такой порядок предполагает создание универсальной нормативно-правовой системы, существующей в рамках многостороннего политического, экономического и культурного сотрудничества. Не исключается и применение военной силы, которая тем не менее должна действовать исключительно по мандату какого-либо высшего органа на основании многостороннего договора¹⁰.

Несмотря на то что за последние два десятка лет имеется огромная библиография литературы по проблематике глобального управления международными отношениями, говорить о формировании целостной и непротиворечивой теории глобального управления представляется пока довольно поспешным. Это объясняется, в первую очередь, сложностью определения явления глобального регулирования и существованием ряда конкретных вопросов, уводящих внимание исследователей от непосредственного решения методологических задач. Также можно говорить о том, что в настоящее время при исследовании проблематики глобального регулирования преобладает конкретно-прикладное начало. Американской науке этот аспект свойственен в гораздо большей степени, нежели западноевропейской или российской.

Необходимо также отметить, что в связи с социально-политическими потрясениями, с которыми России пришлось сталкиваться на протяжении последних 20 лет (смена государственного строя, идеологии и во многом самой цивилизационной матрицы), можно говорить только лишь о начальном периоде вхождения России в складывающуюся систему глобального управления, характеризующимся философским и научным осмыслением самого феномена и связанной с ним проблематики.

Примечания

¹ Темнищев Д.М. Проблемы мирового регулирования в современной зарубежной политологии // Международные процессы. 2011. № 2(26).

- ² *Rosenau J.* Governance in the Twenty-first Century // Global Governance. 1995. Vol. 1.
- ³ *Friedrichs J.* Global Governance as the Hegemonic Project of Liberal Global Civil Society // URL: www.cpogg.org
- ⁴ *Young O.* Political Leadership and Regime Formation: On the Development of Institutions in International Society // International Organization. 1991. Vol. 45. № 3. P. 282.
- ⁵ *Mearsheimer J.* Neoliberal Institutionalism: A Perspective on World Politics // International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory. R. Keohane (ed.). Boulder, 1989. P. 163.
- ⁶ *Ikenberry G.* After Victory. Institutions, Strategic Restrain, and Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton, 2001. P. 5.
- ⁷ *Rosenau J.N.* Globalization, Security, And The Nation-State: Paradigms In Transition. State University of New York Press, 2005.
- ⁸ *Ikenberry J.* America's Imperial Ambition // Foreign Affairs. 2002. Sept./Oct. P. 45–47.
- ⁹ *Nye J.S. Jr.* Global Competition After the Cold War: A Reassessment of Trilateralism, co-authored with Kurt Biedenkopf and Motoo Shiina. N.Y.: The Trilateral Commission, 1991.
- ¹⁰ *Barber B.* Fear's Empire: War, Terrorism, and Democracy. N.Y.: Norton, 2003.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в [Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий](#), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.